

12+

СТАНИСЛАВ ПОЧЕРНИКОВ

БИБЛИЯ И МЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СИСТЕМ

История изменений управленческих моделей
от прямого управления к внутреннему коду человечества

ТОМ VII

Для думающего собственника
малого и среднего бизнеса

Как человечество проходило путь
от приказов и законов к культуре и смыслу

Станислав Почерников

**Библия и Мы: Эволюция
человеческих систем. Том VII**

«Издательские решения»

Почерников С. В.

Библия и Мы: Эволюция человеческих систем. Том VII /
С. В. Почерников — «Издательские решения»,

Том 7 «Библия и Мы» рассматривает Библию не только как религиозный текст, а как отражение эволюции человеческих систем управления, власти и общественных отношений. Через исторические циклы, кризисы и смену моделей автор показывает, почему современные глобальные процессы во многом повторяют древние сценарии и как понимание этих закономерностей помогает увидеть причины сегодняшнего управленческого кризиса.

Содержание

Рецензия	6
Содержание	8
Пролог. Игры и не прямое управление	8
Часть 1	11
Глава 1. Эдем	11
Глава 2. Потоп	15
Глава 3. Прямое и не прямое управление	20
Глава 4. Вавилон	23
Глава 5. Содом, Гоморра и проблема локальных контуров	26
Глава 7. Моисей — создание новой операционной системы	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Библия и Мы: Эволюция человеческих систем Том VII

Станислав Владимирович Почерников

© Станислав Владимирович Почерников, 2026

ISBN 978-5-0070-5842-1 (т. 7)

ISBN 978-5-0070-5843-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Библия и Мы: эволюция человеческих систем»

Версия для думающего собственника малого и среднего бизнеса

Автор: [Станислав Почерников] Год: 2026

Рецензия

Есть книги, которые пытаются пересказать известные тексты. Есть книги, которые предлагают новую интерпретацию. А есть работы, которые берут знакомый каждому материал и позволяют взглянуть на него через совершенно иной аналитический инструмент. Именно к последней категории относится данная книга.

Сразу отмечу важный момент. Автор не скрывает, что значительная часть концептуальной основы книги выросла из моих стримов и дискуссий об управлении как фундаментальном вопросе любой власти — от семьи и небольшой организации до государства, цивилизации и глобальных систем. Однако это не компиляция чужих мыслей и не конспект лекций. Перед нами самостоятельная работа, в которой автор сумел собрать разрозненные идеи в цельную и последовательно выстроенную концепцию.

Главная ценность книги заключается в том, что она предлагает рассматривать библейские сюжеты не только как религиозные или морально-нравственные тексты, а как историю развития систем управления.

В этой логике Эдем оказывается моделью прямого управления небольшой системой. Потоп превращается из акта наказания в кризис масштабирования и последующую перестройку управленческой архитектуры. Вавилонская башня рассматривается как попытка создания сверхцентрализованной системы с единым языком, едиными смыслами и единой целью. История Египта показывает предел реформирования чужой системы изнутри, а Моисей фактически выступает создателем первой масштабируемой governance-модели, способной пережить смену поколений, расстояния и смерть лидера.

Особенно удачным считаю то, что автор постоянно проводит параллели между древними сюжетами и современными проблемами корпораций, государств и крупных организаций. Благодаря этому книга остаётся понятной даже тем читателям, которые не обладают глубокими богословскими знаниями. Многие процессы, происходящие сегодня в государственных аппаратах, транснациональных корпорациях и международных структурах, внезапно начинают читаться через сюжеты, которым несколько тысяч лет.

При этом книга избегает одной распространённой ошибки. Она не скатывается в мистику или попытки доказать историческую буквальность каждого события. Автор последовательно работает именно с управленческой логикой процессов, рассматривая Библию как своеобразный архив накопленного человечеством опыта организации больших систем.

Отдельно отмечу стиль подачи. Формат диалога делает материал значительно легче для восприятия. Читатель фактически становится участником живой беседы, где сложные вопросы управления, субъектности, кризисов, легитимности и масштабирования систем разбираются простым и понятным языком без потери глубины.

Конечно, с отдельными выводами можно и нужно спорить. И это скорее достоинство книги, чем недостаток. Хорошая книга не даёт готовых ответов — она заставляет задавать новые вопросы. А вопросов после прочтения возникает много.

В конечном счёте эта работа не столько о религии, сколько об управлении. О том, почему одни системы растут и сохраняются, а другие деградируют и распадаются. О том, где проходит предел прямого управления. О роли культуры, памяти, принципов и легитимности. И, пожалуй, о самом важном вопросе любой эпохи: каким образом удерживать сложную систему от накопления критических отклонений.

Рекомендую книгу прежде всего тем, кто интересуется государственным управлением, историей, геополитикой, теорией организаций и вопросами власти. Даже если читатель не согласится с отдельными трактовками, сама попытка посмотреть на древнейшие тексты через призму управления заслуживает самого пристального внимания. Это редкий пример книги, которая заставляет задуматься не только о прошлом, но и о том, как устроены современные государства, корпорации и цивилизации.

Политико-экономический аналитик, специалист теории управления. Кямиль Джалилович Аскерханов

Содержание

Пролог. Игры и не прямое управление

Станислав:

Да, в качестве пролога можно взять то, о чём я говорил ещё в шестом томе. Про компьютерные игры.

Наше поколение в игры играло практически поголовно. Ну или как минимум все слышали, что такое стратегии реального времени. И если посмотреть на большинство таких игр, то они построены на прямом управлении.

Ткнул в танк — танк поехал.

Ткнул в рыцаря — рыцарь побежал.

Сказал построить лесопилку — строится лесопилка.

То есть у тебя полный ручной контроль над системой.

Но есть очень маленький, почти исчезающий жанр игр, где прямого управления нет вообще. Я, честно говоря, знаю только две такие игры. Возможно, их больше. Первая — Black (чёрный) & White (белый), вторая — Majesty (величие): The (артикль) Fantasy (фэнтези) Kingdom (королевство) Sim (симулятор).

И вот там как раз реализовано не прямое управление.

Причём это очень интересная штука. Потому что ты не можешь напрямую приказывать рыцарю куда-то идти. Ты не можешь просто взять юнита и отправить его в точку.

Ты создаёшь условия.

Ставишь флаги. Создаёшь стимулы. Меняешь среду.

Где-то награждаешь.

Где-то ограничиваешь.

И дальше система начинает жить сама.

Я когда-то читал разборы разработчиков, почему таких игр очень мало. Потому что реализовать не прямое управление намного сложнее, чем прямое. Когда у тебя юнит тупо выполняет команду — это относительно простая история. А когда система должна:

— сама реагировать;

— сама принимать решения;

— сама выстраивать поведение,

— — там резко растёт сложность.

И вот здесь возникает очень интересная мысль.

Если, прости господи, включить «режим бога» и посмотреть на человечество как на огромную систему без прямого ручного управления, тогда совершенно иначе начинает читаться Библия.

Не как набор религиозных историй.

А как история изменения управленческих контуров большой системы во времени.

Собеседник:

Подожди. То есть ты хочешь сказать, что Ветхий и Новый Завет можно рассматривать как описание разных моделей управления человечеством?

Станислав:

Очень похоже на это.

Причём я сейчас ничего не утверждаю в религиозном смысле. Я вообще не про это.

Мы привыкли читать Библию:

— либо как религиозный текст;

- либо как исторический;
- либо как моральный.

Но если посмотреть на неё через современные представления об управлении сложными системами, внезапно оказывается, что многие кризисы и переходы выглядят удивительно современно.

Собеседник:

В каком смысле современно?

Станислав:

В очень прямом.

Потому что большинство систем управления, которые человек интуитивно понимает, — это системы прямого контроля.

Приказ.

Команда.

Ручное управление.

Но чем сложнее становится система, тем хуже это работает.

Потому что невозможно вручную управлять каждым элементом огромной структуры.

И тогда система начинает переходить:

- от приказов — к принципам;
- от прямого контроля — к среде;
- от ручного управления — к культуре;
- от постоянных команд — к внутреннему коду поведения.

Собеседник:

И ты считаешь, что это видно по самой структуре библейского текста?

Станислав:

Очень похоже.

Причём если смотреть внимательно, там постепенно уменьшается степень прямого управления.

Сначала — почти прямой диалог.

Потом — отдельные фигуры.

Потом — пророки.

Потом — закон.

Потом — культурный код.

Потом — уже распределённая сеть носителей идеи.

И это очень напоминает эволюцию сложной системы по мере роста масштаба.

Собеседник:

То есть человечество в этой модели начинает выглядеть как огромная развивающаяся организация?

Станислав:

Именно.

Как очень большая, очень сложная система, которая:

- растёт;
- усложняется;
- теряет управляемость;
- проходит через кризисы;
- меняет механизмы координации.

И тогда:

- Потоп;
- Вавилон;
- Египет;

- Исход;
- Закон;
- Христос;
- Апостолы;
- Церковь

начинают выглядеть не как случайный набор историй, а как последовательные изменения модели управления сверхбольшой системой.

Собеседник:

То есть ты не пытаешься «объяснить Библию»?

Станислав:

Нет.

Скорее наоборот.

Я пытаюсь показать, насколько она может быть глубже, чем её обычно читают.

Потому что человечество накопило огромный опыт управления:

- государствами;
- корпорациями;
- армиями;
- религиями;
- сверхсложными организациями.

И теперь мы начинаем узнавать в древнем тексте те паттерны, которые раньше просто не умели различать.

Эта книга — не про религию как таковую.

Она про распознавание архитектурных закономерностей цивилизации.

Часть 1

Глава 1. Эдем

Станислав:

Пока я тебе задам провокационный вопрос. С точки зрения управления и табеля о рангах, что можно сказать про человека, который имеет право всё называть?

Собеседник:

Ну, первое, что приходит в голову, — это власть. Потому что тот, кто называет, тот как будто определяет саму сущность вещи.

Станислав:

Именно.

Причём большинство людей вообще не замечают, насколько это высокий уровень власти.

Потому что пока остальные существуют внутри уже готовых понятий, кто-то определяет сами понятия.

Монарх даёт титулы.

Учёный вводит термин.

Руководитель определяет КРІ (ключевые показатели исполнения).

Маркетолог называет потребность.

Идеолог — врага.

Назвать — это не просто подобрать слово.

Назвать — это зафиксировать объект внутри системы координат.

Собеседник:

То есть право называния — это уже управленческий уровень?

Станислав:

Очень высокий.

Потому что без различения вообще невозможно управление.

Если ты не умеешь:

— различать;

— классифицировать;

— определять сущности,

— ты не способен управлять сложной системой.

И вот тут, кстати, есть очень интересная аналогия из совершенно детской книжки.

Помнишь Крокодил Гена и его друзья?

Собеседник:

Ну да. Чебурашка.

Станислав:

Так вот там есть очень глубокий момент, который обычно вообще никто не замечает.

Чебурашка не знал, кто он такой.

И проблема была не в том, что у него не было личности или формы.

Проблема была в том, что никто не дал ему определения.

Слону сказали, что он слон.

Бегемоту сказали, что он бегемот.

А Чебурашке никто не сказал, кто он такой.

И поэтому он не понимал собственного места в системе.

Собеседник:

Слушай... а ведь действительно. Пока объект не назван, он как будто вообще не встроен в общую систему координат.

Станислав:

Именно.

Причём это уже не просто вопрос языка.

Это вопрос координации.

У меня дочка недавно спросила:

«Папа, а откуда мы знаем, что зелёный — это зелёный?»

И это, кстати, очень серьёзный вопрос.

Потому что сам цвет мы можем воспринимать вообще по-разному. Этого никто не знает.

Но мы договорились, что вот этот диапазон называем зелёным.

И благодаря этому появляется единый понятийный аппарат.

Собеседник:

То есть координация начинается с того, что люди одинаково называют явления?

Станислав:

Конечно.

Потому что как только появляется больше одного человека, сразу возникает проблема синхронизации.

Если у нас нет:

- единых понятий;
- единых определений;
- единого языка различений,
- — невозможно сложное взаимодействие.

Семья ещё может жить на интуиции.

Но как только система становится больше семьи:

- община;
- город;
- государство;
- цивилизация,
- — без общего понятийного аппарата всё начинает разваливаться.

И вот после этого Библия начинает читаться совершенно иначе.

Потому что большинство людей помнят что?

«Бог создал Адама и Еву».

Хотя если внимательно открыть текст, там вообще-то описано два разных акта творения.

Собеседник:

В смысле два?

Станислав:

А вот так.

Сначала создаются люди вообще.

И им сразу говорится:

«плодитесь и размножайтесь».

То есть сначала создаётся человечество как система.

Фактически задаётся функция:

- размножение;
- распространение;
- освоение пространства.

И только потом отдельно появляется история Адама в Эдемском саду.

Собеседник:

Слушай... я ведь реально никогда об этом не думал. В голове оно всегда было как одна история.

Станислав:

Потому что мы читаем это как религиозный рассказ, а не как архитектуру системы.

А если посмотреть внимательно, получается очень интересная вещь.

Первый контур — это человечество вообще.

А вот Адам — уже отдельная история.

Причём очень специфическая.

Потому что Адам:

— помещается в отдельное пространство;

— получает ответственность;

— получает ограничения;

— и получает право называния.

То есть у него появляется управленческая функция.

Собеседник:

То есть Эдем можно рассматривать не как «начало человечества», а как историю первого управленца?

Станислав:

Очень похоже на это.

Причём смотри, насколько странно это выглядит.

Первое проявление власти человека в Библии — не война, не производство, не владение.

Первое проявление власти — способность различать и называть.

Бог приводит животных к Адаму и смотрит, как он их назовёт.

Большинство читает это как красивую сказку.

Хотя с точки зрения управления это колоссальный момент.

Человеку фактически передают часть функции описания мира.

Собеседник:

То есть он становится не просто участником системы, а соавтором системы различений?

Станислав:

Да, и вот тут начинается очень интересная история.

Потому что Эдем тогда начинает выглядеть не как сказка про райский сад.

А как модель прямого субъектного управления.

Минимум формализованных правил.

Прямое взаимодействие.

Высокий уровень доверия.

Практически отсутствие внешнего закона.

То есть система держится на внутренней субъектности.

Собеседник:

Но тогда грехопадение выглядит уже совсем иначе.

Станислав:

Конечно.

Потому что тогда это не просто моральное нарушение, это сбой управленческого контура.

Человек получает:

- свободу;
- право различения;
- право воздействия,
- — но ещё не способен удерживать границы собственного управления.

И это, кстати, очень похоже на одну из центральных проблем всей дальнейшей истории человечества.

Потому что человечество очень быстро научилось:

- менять мир;
- строить системы;
- влиять на среду,
- но способность управлять самим собой всё время отставала.

Собеседник:

И получается, что дальше вся история Библии — это уже поиск другой модели управления?

Станислав:

Именно.

Потому что единичный идеальный субъект не получился.

А управлять человечеством всё равно надо.

И дальше начинаются уже другие модели:

- через группу;
- через закон;
- через дисциплину;
- через внешний контур;
- через культуру;
- через коллективную идентичность.

И вот отсюда уже начинается вся остальная история.

Глава 2. Потоп

Собеседник:

Ну хорошо, идём дальше по Библии. Что у нас там дальше? Там вроде Каин и Авель появляются.

Станислав:

Да, появляются, но смотри, мы сейчас всё-таки идём по довольно конкретной линии анализа.

Нас интересуют не вообще все события подряд, а изменения моделей управления большими человеческими системами.

А история Каина и Авеля — она всё-таки больше:

про личный выбор, про зависть, про отношения между людьми.

Это другой уровень разбора.

Не менее важный, кстати.

Но нас сейчас интересует другое:

как растёт система,

как она удерживается,

почему перестаёт работать,

и как меняются контуры управления коллективами.

И вот после Эдема следующий большой переход — это Потоп.

Собеседник:

Тогда подожди. Если Эдем был настолько хорошей системой, почему вообще понадобился Потоп?

Станислав:

А вот тут начинается самое интересное.

Потому что если читать текст внимательно, там ведь не написано, что всё рухнуло за три дня.

Наоборот. Люди размножаются. Человечество растёт. Система масштабируется.

И постепенно возникает очень знакомая проблема любой большой структуры:

чем дальше люди оказываются от исходного контура, тем слабее становится связь с первоначальным замыслом.

Причём Библия это описывает очень чётко- люди впадают в грех!

И вот здесь, кстати, возникает важный момент, который я подробно разбирал ещё в книге «Раб греха не свободен».

Потому что грех в управленческой логике — это не просто «плохой поступок».

Это систематическое отклонение от траектории движения.

То есть система начинает всё сильнее уходить от первоначального замысла.

Организация занимается чем угодно, только не тем, ради чего создавалась.

Собеседник:

То есть грех здесь начинает выглядеть уже не как отдельная ошибка человека, а как накопленное отклонение системы?

Станислав:

Именно.

Причём это очень похоже на любую большую компанию.

Пока основатель рядом — культура живая.

Все понимают:

зачем существует организация,

какие принципы важны,

что считается нормой.

Но потом система начинает расти.

Появляются: филиалы, новые сотрудники, удалённые подразделения, новые поколения людей, которые основателя никогда не видели.

И в какой-то момент собственник приезжает и понимает: компания огромная, людей полно, процессы идут...

Но занимаются уже кто во что горазд.

Формально организация существует.

А содержательно первоначальный замысел уже потерян.

Собеседник:

Слушай... а ведь это реально предел прямого управления.

Пока Адам условно был рядом с центром системы, всё ещё держалось. А потом людей стало слишком много.

Станислав:

Вот.

И это очень важная мысль.

Потому что предел прямого управления — это не «плохой руководитель».

Это физическая невозможность удерживать огромную систему через личный контакт.

Ты просто не способен охватить всех.

Не способен:

всем объяснить,

всем проконтролировать,

всем передать культуру напрямую.

И вот тогда Потоп начинает выглядеть уже совсем иначе.

Не как: «Бог психанул и всех утопил».

А как признание: первая модель масштабирования человечества перестала работать.

Собеседник:

То есть это уже не просто наказание, а попытка полного перезапуска системы?

Станислав:

Очень похоже на это.

Причём перезапуск предельно жёсткий.

Если собственник понимает, что текущая структура стала неуправляемой, что он делает?

Он не пытается бесконечно перевоспитывать всех подряд.

Он закрывает старую систему и начинает собирать новую.

Причём забирает с собой не вообще всех.

А тех, через кого систему можно восстановить.

Собеседник:

Ну да. Ключевых людей.

Станислав:

Конечно.

Управленцев.

Инженеров.

Носителей культуры.

Людей, через которых система способна воспроизвестись.

И вот здесь история с Ноем и ковчегом начинает выглядеть очень интересно.

Потому что большинство людей воспринимает:

«каждой твари по паре» как детскую сказку про зверюшек.

А если смотреть через управленческую модель, это очень похоже на попытку сохранить минимально жизнеспособный набор функций будущей системы.

Причём важно, что там не один «лучший».

Не один идеальный сотрудник.

А множество разных носителей.

Потому что сложная система не может состоять из одного супергероя.

Нужны:

разные функции,

разные компетенции,

разные роли.

Это очень похоже на ситуацию, когда компания пересобирается после катастрофы.

Собственник забирает:

лучших мастеров,

ключевых специалистов,

людей из разных контуров,

без которых систему потом просто не собрать заново.

И вот тогда «каждой твари по паре» начинает выглядеть уже совсем не по-детски.

Собеседник:

Слушай... а ведь тогда получается, что текст вообще мало интересуется обычной массой людей.

Станислав:

А вот это очень неприятная мысль, но очень похожая на правду.

Причём не только в Библии.

Если посмотреть древние тексты вообще, они почти всегда рассказывают не про обычную жизнь населения.

Они рассказывают про:

правителей,

героев,

пророков,

воинов,

людей, от которых зависит устойчивость системы.

Даже истории про короля Артура — они же не про крестьян. Кстати, как звали волшебника у Артура? Я всё время забываю.

Собеседник:

Мерлин.

И получается интересная вещь. Древние тексты концентрируются прежде всего на носителях субъектности.

Станислав:

Да.

И тогда Библия начинает выглядеть уже не как хроника человечества вообще.

А как история попытки сохранить способность удерживать систему.

Собеседник:

Подожди. Но ведь Ной переживает Потоп не один.

Там же сыновья, семьи, вся эта история.

Станислав:

Конечно.

И это, кстати, очень важный момент.

Потому что если бы задача была просто «спасти одного правильного человека», тогда Ной мог бы быть вообще один.

Но в ковчег заходят:

— Ной;

— его сыновья;

— их жёны.

То есть сохраняется не только носитель системы, но и возможность дальнейшего воспроизводства структуры.

Фактически это уже выглядит как перезапуск.

Или, если угодно, как очень жёсткое переформатирование системы.

Собеседник:

То есть не просто «выжил праведник», а сохранился минимальный управленческий каркас будущего человечества?

Станислав:

Очень похоже на это.

Причём дальше Библия говорит очень интересную вещь.

После Потопа земля фактически распределяется между сыновьями Ноя.

И вот это уже крайне интересный момент с точки зрения управления.

Потому что впервые возникает разделение контуров.

Собеседник:

То есть до этого система была фактически единая?

Станислав:

Да.

А здесь управление начинают делить.

Причём мы до конца не понимаем, как именно.

Можно трактовать территориально.

Условно:

— один сын отвечает за одну часть мира;

— второй — за другую;

— третий — за третью.

То есть возникают как будто три больших филиала.

Но, кстати, если смотреть на дальнейшую логику Библии, особенно на историю Вавилона, у меня есть ощущение, что разделение могло быть не только территориальным.

А возможно, даже прежде всего функциональным.

Собеседник:

В смысле функциональным?

Станислав:

Ну смотри.

Когда большая система начинает расти, первое, что обычно перестаёт работать, — это ситуация, когда один человек пытается держать вообще всё.

И тогда начинается специализация.

Кто-то начинает отвечать:

— за производство;

— кто-то — за логистику;

— кто-то — за внешние связи;

— кто-то — за безопасность.

То есть система начинает дробиться не только по территории, но и по функциям.

И очень похоже, что после Потопа человечество впервые начинает двигаться именно в эту сторону.

Собеседник:

То есть Потоп получается не просто перезапуск, а ещё и переход к следующему уровню организационной сложности?

Станислав:

Вот.

Это очень важный момент.

Потому что после Эдема у нас была фактически модель:

- прямого управления;
- высокой связности;
- минимального разделения.

А после Потопа система начинает усложняться.

Появляется:

- разделение контуров;
- специализация;
- распределение ответственности.

То есть человечество начинает становиться уже не просто «семьёй», а организацией.

Собеседник:

И получается интересная вещь.

Система как будто учится на предыдущем кризисе.

Потому что держать всё в одном контуре уже не получается.

Станислав:

Да. И вот тут начинается очень современная история.

Потому что любая растущая система рано или поздно сталкивается с одной и той же проблемой: если не делить управление, система захлебнётся.

Но как только начинаешь делить управление — появляется другая проблема.

Нужно удерживать единство между разделёнными контурами.

И вот это уже прямой заход в Вавилон.

Глава 3. Прямое и не прямое управление

Станислав:

Я тут перечитал начало Библии и поймал себя на мысли — «А ведь прямое управление там реально было».

Причём Библия это прямо описывает.

В Эдеме Бог разговаривает с Адамом напрямую. Без посредников. Без пророков. Без каких-то промежуточных контуров.

И если честно, я раньше на это вообще внимания не обращал.

Собеседник:

Слушай... а ведь действительно.

И это, возможно, вообще один из ключевых поворотов всей конструкции.

Потому что у тебя сейчас появляется разделение: прямое управление и не прямое.

И в Эдеме управление фактически прямое. Бог напрямую разговаривает с Адамом. Нет ни закона, ни пророков, ни сложной системы координации.

Почему? Потому что сама система маленькая.

Станислав:

Вот. Это очень важная мысль.

Маленькая система допускает прямое управление.

Когда у тебя два человека, маленькая команда или маленькая компания, ты можешь разговаривать напрямую. Можешь лично объяснять, лично корректировать, лично удерживать культуру.

Промежуточные механизмы просто не нужны.

Собеседник:

То есть Эдем в этой логике — система минимальной сложности?

Станислав:

Очень похоже на это.

Причём тогда и грехопадение начинает выглядеть чуть иначе.

Не только как духовный сюжет.

А как момент, после которого прямое управление начинает терять эффективность.

Потому что появляется дистанция. Появляется самостоятельность. Появляется необходимость координировать всё большее количество людей.

Собеседник:

И дальше начинается вся история, которую мы уже обсуждали. Рост системы, потеря связности, Потоп...

Станислав:

Да.

И здесь очень интересно, что Библия сама показывает постепенное снижение прямоты управления.

Потому что с Адамом — прямой разговор.

С Ноем — тоже ещё прямой контакт.

Но дальше всё начинает меняться.

Собеседник:

Подожди. Но с Ноем ведь Бог тоже говорит напрямую?

Станислав:

Да, именно.

И это очень важный момент.

После Потопа система опять резко маленькая. Фактически всё человечество сведено к одной семье и её ближайшему продолжению.

То есть сложность системы снова относительно низкая.

А значит, прямое управление ещё возможно.

Собеседник:

То есть получается интересная вещь. Пока система маленькая, прямой контур ещё держится. А по мере роста начинается переход к непрямому управлению?

Станислав:

Вот. И это, мне кажется, вообще одна из центральных линий всей Библии.

Потому что чем сложнее становится система, тем менее возможным становится ручное управление каждым элементом.

Это, кстати, абсолютно современная проблема.

Любой основатель компании сначала управляет напрямую.

Пока у него маленькая команда, один офис и все рядом — это работает.

Он сам ставит задачи, сам объясняет, сам передаёт культуру, сам разрешает конфликты.

Но потом компания начинает расти.

Появляются филиалы, новые уровни управления, удалённые команды, автономные контуры.

И в какой-то момент прямое управление становится физически невозможным.

Собеседник:

Кстати, это ведь очень хорошо видно даже по компьютерным играм.

Пока у тебя маленький отряд с прямым управлением — всё прекрасно работает.

Пять-шесть юнитов, ты каждым управляешь вручную, всё под контролем, всё удобно.

Станислав:

Да. И это, кстати, очень многие чувствовали интуитивно, даже не задумываясь про теорию управления.

Пока масштаб маленький — прямое управление кайфовое. Ты реально ощущаешь контроль.

Но как только разработчики пытаются тот же самый принцип растянуть на огромное количество юнитов, сразу начинаются проблемы.

Люди начинают жаловаться:

«Я не успеваю».

«Я не могу всё охватить».

«Это невозможно контролировать».

То есть проблема возникает не потому, что игрок внезапно стал хуже.

А потому что сам принцип перестаёт масштабироваться.

Собеседник:

Да-да. У меня сразу В тылу врага вспомнилась.

Первые части были шикарные именно потому, что у тебя маленький отряд. Ты каждого бойца почти как отдельного человека воспринимаешь.

Станислав:

Вот именно.

Игра отлично работает, пока у тебя: пять человек, максимум десять, локальная ситуация.

Ты ещё способен: удерживать всё в голове, видеть картину, принимать решения вручную.

Но как только тот же самый подход начинают переносить на сотню юнитов — всё.

Игрок перестаёт справляться.

Причём не потому, что игра плохая.

А потому что человеческое внимание имеет предел.

Ты физически не можешь одновременно: видеть всё, контролировать всё,

принимать решения за всех.

И вот тут внезапно оказывается, что проблема компьютерных стратегий и проблема управления цивилизациями очень похожи.

Собеседник:

То есть прямая модель начинает ломаться просто из-за роста масштаба?

Станислав:

Да.

И тогда система вынуждена переходить к непрямому управлению.

Появляются:

автономные группы,

командиры,

правила поведения,

приоритеты,

внутренние алгоритмы.

Потому что иначе система просто перестаёт быть управляемой.

И вот если смотреть на Библию через такую призму, становится очень интересно.

Потому что вся история человечества там постепенно идёт ровно в эту сторону:

от маленькой системы с прямым управлением —

к огромной системе, где удерживать порядок можно уже только через внутренние принципы, культуру и распределённые контуры управления.

Глава 4. Вавилон

Станислав:

Возвращаемся к Библии и подходим, наверное, к одной из самых интересных и многоуровневых историй — к Вавилону.

Потому что с Вавилонской башней есть одна очень важная штука, которую обычно вообще упускают.

Башню строили не для того, чтобы «добраться до небес».

Это уже позднее, очень упрощённое восприятие.

Если читать внимательно, логика там другая.

Люди строят башню, чтобы пережить следующий потоп.

То есть мысль очень простая: «Хорошо. Если опять будет вода — мы построим такую систему, до которой она не достанет».

И вот тут возникает очень неприятная управленческая логика.

Человек не хочет меняться. Он хочет придумать что-нибудь такое, чтобы можно было не меняться.

Собеседник:

Слушай... а ведь тогда Вавилон начинает выглядеть вообще не как история про гордыню в детском понимании.

Не: «люди захотели залезть к Богу», а как попытка построить систему, которая позволит избежать внутреннего изменения.

Станислав:

Вот. Причём это, если честно, уже пугающе современно.

Потому что человечество постоянно делает ровно это.

После кризиса вместо вопроса:

«Что с нами не так?» — начинается вопрос:

«Какую технологию придумать, чтобы последствия нас больше не касались?»

То есть:

не менять человека,

не менять основания,

не менять культуру,

не менять внутренний контур,

а построить внешний компенсационный механизм.

Собеседник:

То есть башня становится не просто строительным объектом, а таким инфраструктурным костылём безопасности?

Станислав:

Да. Причём тут есть ещё одна очень важная вещь.

У людей единая цель. Они пережили Потоп.

Для нас это уже просто древняя история, а для них это был буквально ужас, который они помнили. Они видели, как погибает мир.

И поэтому идея: «Надо построить систему, которая нас спасёт в следующий раз» — становится сверхцелью.

А единая цель — это вообще колоссальная сила для любой системы.

Собеседник:

То есть Вавилон — это не хаос. Это сверхмобилизованная система с очень высоким уровнем координации.

Станислав:

Именно. Причём там же ещё появляется единый язык.

А единый язык для управления — это вообще фундаментальная вещь.

Пока у всех:

единые смыслы,

единые определения,

единая цель,

единая система координат,

— система способна на невероятную концентрацию усилий.

Это, кстати, мы уже обсуждали через Адама и название.

Пока все одинаково понимают, что происходит и зачем они это делают, система способна двигаться как единое целое.

Собеседник:

И тогда становится страшновато. Потому что проблема Вавилона получается не в слабости системы. А наоборот — в её чрезмерной эффективности.

Станислав:

Вот именно. Потому что объединённое человечество способно масштабировать не только добро.

Оно способно масштабировать и ошибку. Причём в колоссальных масштабах.

И тогда история со смешением языков начинает выглядеть уже совсем иначе.

Собеседник:

Не как наказание?

Станислав:

Скорее как искусственное усложнение системы.

Причём, возможно, даже не только в буквальном смысле языка.

А как разрушение единой цели. Потому что пока у всех одна сверхзадача — система движется как единый механизм.

А потом начинается очень знакомая история.

Один говорит:

«Да зачем мне эта башня, я лучше дом построю».

Другой:

«А я вообще хочу путешествовать».

Третий:

«Мне торговля интереснее».

Четвёртый:

«А я устал, пойду рыбу ловить».

Пятый вообще влюбился и ему уже не до глобальных проектов.

И вот в этот момент система начинает распадаться на разные контуры целей.

Собеседник:

То есть смешение языков можно понимать не только как разные слова.

А как появление разных смыслов и разных направлений движения?

Станислав:

Как версия. Потому что если у людей разные цели, они уже перестают быть единым контуром управления.

И тогда человечество впервые начинает дробиться на множество автономных систем.

Это очень похоже на момент, когда огромная компания перестаёт жить как единое целое.

Появляются:

— отдельные подразделения;

— отдельные центры силы;

— собственные интересы;

— локальные цели.

Отдел продаж начинает жить своими задачами.

Производство — своими.

Логистика — своими.

Финансы — своими.

И каждый локально может быть абсолютно рационален. Но единой системы уже нет.

Собеседник:

То есть после Вавилона человечество становится уже не одной системой, а набором разных контуров управления?

Станислав:

Вот. И это, мне кажется, вообще один из ключевых моментов всей истории.

Потому что происходит резкое усложнение архитектуры управления.

Из одного большого контура возникает множество самостоятельных контуров.

Причём каждый начинает:

— развиваться по-своему;

— формировать собственные цели;

— создавать собственную культуру;

— вырабатывать собственные механизмы координации.

И только какой-то верхнеуровневый контур, условно говоря, ещё понимает, как всё это вообще складывается в единую картину.

Собеседник:

И получается парадоксальная вещь.

С одной стороны, система теряет управляемость.

А с другой — становится устойчивее.

Станислав:

Да. Потому что сверхцентрализованная система невероятно эффективна... ровно до момента большой ошибки.

А распределённая система менее управляемая, более конфликтная, более шумная — но зато одна ошибка уже не уничтожает всё человечество целиком.

Глава 5. Содом, Гоморра и проблема локальных контуров

Станислав:

Кстати, ещё до Моисея есть очень важная история — уничтожение Содома и Гоморры. И вот её сегодня обычно трактуют почти исключительно через морально-нравственную плоскость.

Хотя если смотреть через управление, там возникает очень интересная картина.

Собеседник:

Да, и это важно ещё потому, что Содом и Гоморра появляются вообще до:

Моисея, закона, заповедей, формализованной системы управления.

То есть это ещё очень ранний этап развития человечества как системы.

Станислав:

Вот. И это многое меняет.

Потому что у нас пока ещё нет:

- масштабируемого закона;
- устойчивой governance (управление) -системы;
- институтов;
- механизмов долгосрочного удержания культуры.

Система всё ещё держится в основном на:

живой памяти,
личном авторитете,
прямой передаче принципов.

Причём это очень хорошо связывается с Вавилоном.

Потому что люди, строившие башню, — это вообще не какие-то абстрактные древние персонажи.

Это поколение, которое либо само пережило Потоп, либо выросло рядом с носителями памяти о нём.

Они помнят:

страх,
турбулентность,
разрушение,
полную пересборку системы.

Собеседник:

То есть Вавилон тогда становится не просто историей про гордыню.

А попыткой больше никогда не переживать такой хаос.

Станислав:

Конечно. Это очень человеческая история.

Когда компания проходит:

жёсткий кризис,
почти развал,
болезненную реструктуризацию,
переезд,
полную пересборку,
— люди, пережившие это, потом начинают строить сверхустойчивые системы.

Иногда даже чрезмерно устойчивые.

Потому что ими уже движет не развитие, а страх повторения катастрофы.

И вот после Вавилона система становится сложнее.

Контуры поделили.

Причём, возможно, не только территориально, но и функционально.

И здесь возникает очень важный момент.

Даже после разделения система всё равно начинает отклоняться.

То есть одной только:

живой памяти,

ручной передачи культуры,

личных посылов,

— уже недостаточно.

Масштаб снова начинает опережать возможности прямого управления.

Собеседник:

То есть Содом и Гоморра начинают выглядеть как локальные контуры, которые ушли в автономное развитие?

Станислав:

Да. Причём это очень похоже на ситуацию, когда внутри большой организации отдельные филиалы или подразделения начинают жить полностью по собственной логике.

Связь с исходным контуром постепенно теряется.

Локальные правила становятся важнее общих.

Возникает собственная система координат.

Причём самое интересное — внутри самого контура это уже может восприниматься как абсолютная норма.

Люди внутри системы могут вообще не считать, что что-то не так.

Потому что локальная культура уже полностью перестроилась.

Собеседник:

То есть мы опять возвращаемся к теме греха как отклонения?

Станислав:

Именно. Причём здесь это особенно хорошо видно.

Потому что грех в управленческой логике — это не «разово сделал что-то плохое».

Это накопленное отклонение системы от первоначального замысла.

Когда локальный контур всё дальше уходит в собственную траекторию.

И это, кстати, очень современная проблема.

Любая большая организация рано или поздно сталкивается с этим.

Центр считает, что все работают на общую задачу.

А потом выясняется, что отдельные подразделения уже живут собственной жизнью.

Причём иногда даже очень эффективно живут.

Просто цели у них уже другие.

Собеседник:

Слушай... а ведь тогда уничтожение Содома и Гоморры начинает выглядеть уже не как глобальная перезагрузка системы.

Станислав:

Ага. И это очень важный переход.

Потому что Потоп — перезапуск всей системы, а здесь мы впервые видим уже локальную коррекцию.

Не уничтожение всего человечества, но точечное устранение отдельных отклонившихся контуров.

И это показывает, насколько система уже усложнилась после Вавилона.

Теперь её можно корректировать частично.

Собеседник:

Причём, если честно, с точки зрения управления могли уничтожить даже не самые опасные филиалы. Но самые показательные.

Станислав:

Очень возможно. Причём это абсолютно человеческая логика.

Если ты хочешь быстро вернуть систему в рамки, тебе не обязательно уничтожать самый сильный контур.

Иногда важнее показательно наказать тот, чьё уничтожение произведёт максимальный эффект на остальных.

Особенно если память о Потопе ещё жива. Тогда сигнал считывается очень быстро.

Собеседник:

То есть Содом и Гоморра в этой логике — это уже не тотальная зачистка, а демонстрационная коррекция системы?

Станислав:

Очень похоже на это. Причём это тоже очень современная история.

Большие организации редко уничтожают всю структуру.

Обычно:

закрывают один филиал,
публично увольняют несколько фигур,
показательно наказывают один контур,
чтобы остальные резко вернулись в рамки.

И здесь появляется ещё одна важная вещь.

Сегодня мы привыкли к мысли, что любую проблему можно:

реформировать,
перевоспитать,
перенастроить.

Но в истории Содома и Гоморры инфраструктуры непрямого управления пока фактически ещё нет.

Нет:

— масштабируемого закона;
— устойчивой системы принципов;
— институтов коррекции;
— долгосрочных механизмов удержания культуры.

Поэтому система пока умеет либо напрямую управлять, либо напрямую уничтожать отклонившийся контур.

Собеседник:

То есть человечество всё ещё находится на очень раннем этапе развития управления?

Станислав:

Да.

И именно поэтому дальше становится настолько важен Моисей.

Потому что с Моисея человечество впервые попытается создать не просто личный авторитет или живую память.

А полноценную масштабируемую систему непрямого управления через:

закон,
правила,
заповеди,
идентичность,
и единый культурный код.

Глава 6. Египет — предел реформ внутри чужой системы

Станислав:

Смотри, мы с тобой подошли к Египту. И тут, мне кажется, начинается одна из самых интересных управленческих линий всей Библии.

Потому что обычно историю Иосифа разбирают как морально-нравственную:

братья продали брата,

предательство,

прощение,

всё такое.

Но если смотреть через управление, картина становится вообще другой.

Вот что значит «продали в рабство» на современном языке?

Я тебе так скажу — я подобное видел вживую.

Есть небольшая компания. Люди спокойно работают, считают себя частью локальной команды. А потом собственники продают бизнес крупной корпорации.

Причём сотрудников никто ни о чём не спрашивает.

Вечером ты работаешь в «конторе Васи Пупкина», а утром вдруг выясняется, что ты уже сотрудник какого-нибудь MegaGlobal (мега-глобал) International (интернешинал).

И на бытовом языке люди потом ровно так и говорят:

«Ну всё, нас продали в рабство».

Собеседник:

Слушай... а ведь тогда история Иосифа начинает выглядеть вообще не как семейная драма.

А как внедрение носителя другой модели внутрь сверхэффективной внешней системы.

Станислав:

Вот. Причём Египет здесь очень важно правильно понять.

Это не «плохая система».

Наоборот. Это сверхорганизованная цивилизация.

У Египта есть:

порядок,

управление,

инфраструктура,

ресурсы,

технологии,

жёсткая вертикаль,

огромная концентрация власти.

То есть это реально мегакорпорация древнего мира.

Очень эффективная, но при этом локальная.

Египет завязан:

на фараона,

на территорию,

на жёсткий центр управления.

И вот внутри этой системы попадает Иосиф.

Причём его ведь никто не приглашает как великого реформатора.

Он туда попадает почти случайно.

Но дальше происходит очень жизненная история.

Во время кризиса большие системы начинают остро нуждаться в людях, способных раз-рулить ситуацию.

Собеседник:

Ну да. Потому что кризис ломает старые механизмы.

Станислав:

Не совсем.

Вот это как раз очень важный момент, который я разбирал ещё в одной из книг про кризисы.

Кризис сам по себе ничего не ломает и ничего не создаёт.

Кризис просто вытаскивает наружу старые нерешённые проблемы.

То есть система могла годами жить с накопленными ошибками, с перекосами, с плохими решениями, но пока всё спокойно — это не так заметно.

А потом приходит кризис, и всё скрытое становится явным.

И вот тогда внезапно выясняется, что:

ресурсы распределены плохо,

координация хромает,

процессы не работают,

руководство не понимает, что делать.

И в этот момент резко возрастает ценность людей, которые способны систему удержать.

Собеседник:

То есть кризис не создаёт сильных управленцев, а проявляет потребность в них?

Станислав:

Именно. И Иосиф здесь выглядит не как «удачливый парень».

А как носитель критически важной компетенции.

Он способен:

анализировать,

планировать,

видеть последствия,

выстраивать систему устойчивости.

Фактически он становится кризисным менеджером.

Причём очень высокого уровня.

Он помогает Египту пройти через голод, выстраивает систему хранения ресурсов, усиливает устойчивость государства.

То есть он не разрушает Египет.

Наоборот — делает его ещё сильнее.

И параллельно подтягивает внутрь системы своих.

Собеседник:

Но при этом верхний контур остаётся египетским?

Станислав:

Вот это ключевой момент.

Фараон остаётся фараоном — Собственник системы не меняется.

Картина мира не меняется.

Операционная система остаётся египетской.

И сначала всё выглядит прекрасно.

Пришла новая группа.

Помогла системе.

Усилила её.

Заняла важную нишу.

Интегрировалась.

Но дальше происходит абсолютно жизненная история: кризис заканчивается, меняется поколение.

И Библия ведь очень точно формулирует:

«Пришёл новый фараон, который не знал Иосифа».

Это страшно сильная фраза с точки зрения управления.

Потому что исчезает управленческая память.

Старые заслуги перестают иметь значение.

И полезная группа внезапно начинает восприниматься уже не как ресурс, а как потенциальная угроза.

Собеседник:

То есть система начинает опасаться слишком автономного внутреннего контура?

Станислав:

Конечно. Потому что у этой группы:

сильная идентичность,

внутренняя связность,

собственная культура,

способность к самоорганизации.

А большие системы очень плохо переносят слишком самостоятельные внутренние контуры.

И тогда начинается очень знакомая история.

Ограничение субъектности.

Перевод в зависимое положение.

Использование как управляемого ресурса.

То есть группа из полезной подсистемы превращается в подчинённый контур внутри чужой архитектуры.

Собеседник:

Слушай... а ведь это очень похоже на предел реформ внутри чужой системы.

Станислав:

Вот именно. И тут очень красиво замыкается тема предела собственника, о которой мы говорили раньше.

Потому что Иосиф реально усиливает систему.

Но он не меняет верхний контур легитимности.

Собственник остаётся прежним.

Источник власти прежний.

А значит, предел системы тоже остаётся прежним.

И это очень важная мысль.

Большую систему невозможно устойчиво изменить изнутри, если ты не являешься носителем верхнего принципа этой системы.

Можно:

улучшать,

оптимизировать,

вытаскивать из кризиса,

усиливать эффективность.

Но если не изменился верхний контур — система всё равно рано или поздно вернётся к собственной логике.

Собеседник:

То есть Исход тогда начинает выглядеть уже не как «побег рабов».

А как признание: эту систему невозможно изменить изнутри.

Станислав:

Да. И тогда вся логика становится очень цельной.

Мы попробовали встроиться в сверхэффективную внешнюю систему.

Попробовали усилить её.

Попробовали встроиться в её архитектуру.

Но не смогли преодолеть предел собственника.

Значит, следующий шаг — строить собственную систему.

Причём не маленькую группу и не локальную секту.
А полноценную самостоятельную архитектуру.
И вот тут мы как раз подходим к Моисею.

Глава 7. Моисей — создание новой операционной системы

Станислав:

И вот здесь мы подходим, наверное, вообще к одному из самых важных поворотов всей истории.

Потому что Египет показал предел попытки встроиться в чужую систему.

Система сильная? Сильная.

Эффективная? Очень.

Но чужая.

И вытянуть верхний контур управления, условно говоря собственника, мы не можем.

То есть Иосиф смог:

усилить систему,

стать частью верхнего слоя,

помочь пережить кризис,

но изменить ядро операционной система не получилось.

Меняется фараон — и всё откатывается обратно.

И тогда, по сути, принимается следующее решение.

Раз внутри чужой сверхсистемы потолок достигнут — значит, нужно выделяться в самостоятельный контур.

То есть:

забираем свою команду,

выходим,

и идём строить собственную систему.

Собеседник:

Причём старая система, естественно, этому совсем не рада.

Станислав:

Конечно.

С точки зрения управления Египет теряет:

компетенции,

рабочую силу,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.